БОГЪ ПУТИ ПРАВИТЪ.

Раннимъ утромъ стоитъ Аннушка въ раздумьи передъ замерзшими стеклами; видитъ она или не видитъ чудные узоры, что вылѣпилъ морозъ на окнахъ — и перья, и папоротниковые листья, и хвощи елками торчатъ, и разныя звѣзды блестятъ; а на тѣхъ стеклахъ, что повыше, другой узоръ: точно мелкая надломанная луговая трава стоитъ, а надъ нею насѣяны частыя звѣздочки, одна надъ одной, другъ около дружки. Взглянула Аннушка вверхъ, да сквозь заиндевѣлыя оконницы и неба не видать; опустила она опять глаза на расписныя стекла, задумчиво глядитъ, ничего не видя, зато уши чутко слышатъ какъ мать вздыхаетъ, молитву творитъ, мѣдныя деньги считаетъ, и на лавочника да на стужу ворчитъ. Бряканье трешниковъ и семиковъ звонко отдается, не въ однихъ ушахъ, а и въ чуткомъ сердцѣ. Знаетъ дѣвушка, что деньги всѣ у нихъ на перечетѣ, а нуждъ не оберешься!

— Вотъ тебѣ и все тутъ, проговорила мать вслухъ: рубль тридцать семь копѣекъ! Тутъ и за квартиру, и лавочнику, и на дрова!...

При послѣднихъ словахъ, Аннушка тихонько подошла и заглянула въ печь: около десятка полѣнъ было акуратно уложено, лучинка на растопку заготовлена, но незапалена. Дѣвушка припала къ печи, и тихонько вытащила три полѣшка и легонько уложила ихъ на лѣвую руку. Старуха окликнула: — «Никакъ, ты опять дрова изъ печи тащишь?» Дѣвушка молча постояла, не выпуская полѣньевъ изъ рукъ, потомъ нѣсколько робко проговорила: «Матушка, я вчера забѣгала къ Матвѣевнѣ, у нея такая стужа стоитъ, что вода замерзла, печка третій день не топлена, а сама пошевелиться не можетъ, такой ломъ во всей.

— Ладно, дочка, у насъ у самихъ руки и ноги окоченѣли, завтра и намъ топить–то нечѣмъ будетъ.

Забота о работѣ и хлѣбѣ, что до свѣту разбудила швею Аннушку, подступила ей

теперь къ самому горлу и хлынула изъ глазъ ручьями.

Выждавъ голосу, Аннушка, едва крѣпясь сказала: — «А что, матушка, кабы я на Сашиномъ мѣстѣ, а она на моемъ была, вѣдь она бы чай тебя то же не покинула, хворую да голодную»... И грустное воспоминанье объ утраченной подругѣ перенесло ее въ дѣтскіе годы, напомнило ихъ игры, ученье, вечера у просвирни, Сашиной крестной матери, какъ бывало сиживали онѣ и чуть не по складамъ читали изъ большой, старинной книги; и хочется ей припомнить какими словами тамъ было сказано: идите ко мнѣ всѣ, коихъ горе одолѣваетъ, всѣ больные и нуждающіеся, всѣ, всѣ. Я васъ упокою! Смыслъ–то она помнитъ, да слова не складываются по книжному. Между тѣмъ, изъ словъ ея, сказанныхъ матери объ умершей подругѣ, у старухи растетъ страшная мысль, растетъ, складывается чудовищемъ, и охватываетъ ее съ головы до ногъ морозомъ: «что, если и моя дочка помретъ, какъ умерла Саша? И словъ нѣтъ,

какъ тяжко объ этомъ думать; Господи Батюшка, истинный Христосъ, Мать Пресвятая Богородица, не попустите такой бѣды на мою грѣшную голову!» Вдругъ радостный голосъ дочери вызвалъ ее изъ–подъ гнетущей мысли: Матушка, а вѣдь намъ хозяйкѣ за квартиру не платить; пальто, что я ей намедни сшила, она намъ за два мѣсяца поверстала!

— Ой–ли! Ахъ ты, доченька моя, да какъ же мы это съ тобой забыли! Вотъ и подлинно: мы къ Господу съ печалью, а Онъ къ намъ съ милостью…

— И ужь какъ же не съ милостью, проговорила запыхавшаяся Анфиса Яковлевна, притворяя за собою дверь и крестясь на образа. Здравствуемъ на радостяхъ, сватьюшка, говорила она, чинно кланяясь. Аннушка, что стоишь, обнявшись съ полѣномъ? Вѣдь стариковская примѣта: полѣно изъ печи къ гостю, а у тебя три на рукахъ, знать троихъ принимать, говорила она, трепля ее по плечу.

— Что съ ней дѣлать, сказала мать, вотъ эдакъ все Матвѣевнѣ тащитъ, куска сама не

доѣдаетъ; а погляди–ка въ печь, чай у самихъ съ пятокъ осталось!

Кума заглянула: Семь, сватьюшка, семь святое благодатное число, Господь на седьмой день почилъ, видно и васъ, отъ трудовъ и горя, успокоить время пришло; онъ не гуляетъ, добро перемѣряетъ!

— Иди, умница, говорила кума, гладя и цѣлуя Аннушку въ голову; иди, куда шла, да захвати Матвѣевнѣ пирожка! Анфиса отломила треть принесеннаго ею пирога, и подавая его дѣвушкѣ, какъ то особенно нѣжно и весело смотрѣла на нее. Скажи ей, что ужо забѣгу про Божьи милости поразсказать.

Аннушка понесла свои три полѣшка, да уголъ пирога; медленно спускалась она по лѣстницѣ. Ее брало раздумье чему радовалась Анфиса Яковлевна, какими милостями ее Господь нашелъ? Спустясь въ подвальное жилье, дѣвушка тихонько отворила дверь; струя густаго, гнилаго воздуха обдала ее. Переступя порогъ, она споткнулась на небольшую кучку дровъ.

Здравствуй тетя, что у тебя дрова у порога сложены, чуть было не упала!

— Здорово, Аннушка, какіе тамъ дрова, третій день печь не топлена, послышался слабый голосъ.

— Ну, знать, тебѣ ихъ тихой милостыней подали!

— Согрѣй, Господи, душеньки ихъ, повѣй на нихъ тепломъ своимъ! проговорила старуха, едва подымая руку для крестнаго знаменья. Вскорѣ полутемная конурка освѣтилась краснымъ свѣтомъ, дрова затрещали, точно все ожило кругомъ. — Влѣзь ко мнѣ сюда, дай поглядѣть на себя, красное солнышко! Что это, Аннушка, говорила Матвѣевна, всматриваясь въ дѣвушку, будто у тебя глазаньки заплаканы, а душенька то словно дѣтской усмѣшкой усмѣхнуться хочетъ, прибавила старуха, всматриваясь въ нѣжное дѣтское личико.

— Не знаю, тетя, у меня сегодня съ утра все что–то дѣтское на умѣ, все игры разныя, да какъ мы у старой просвирни гащивали, какъ по вечерамъ съ Сашей одну

святую книгу читывали; все мнѣ хочется припомнить, какими словами написано было тамъ!

И опять обняло ее то же не ясное утѣшное чувство; дѣвушка поникла головой, какъ никнетъ дитя на грудь матери. Помолчавъ немного, она промолвила: — Что, кабы мнѣ досталась такая книга! но тотчасъ же примолвила: — да гдѣ, просвирня говаривала, что этихъ книгъ годовъ двадцать и въ продажѣ нѣтъ.

Не дошли еще до швеи вѣсти, что одна благодатная душа послышала истому народа, открыла сокровищницу Господню; и полился источникъ воды живой по землѣ сухой, жаждущей, неплодной! Аннушка не знала, что рѣдкая книга, по которой она скучала, было Евангеліе, и что книга эта, дотолѣ по цѣнѣ своей недоступная народу, нынѣ уже напечатана вновь, и продается за нѣсколько копѣекъ.

— Что же это я сложа руки сижу, вѣдь у насъ своя печь незатоплена, всполохнулась дѣвушка, да и пирожокъ то Яковлевнинъ не отдала! Кушай, тетя, на здоровье, ужо

забѣгу быть можетъ, горяченькой малинки напиться занесу!

— Спасибо, золотая, говорила старуха, жадно втягивая въ себя питательный запахъ пирога: сласти–то какія, говядинка съ лучкомъ и съ перчикомъ! богатымъ–то, какъ подумаешь, такъ и умирать не надо!

— Что ты, матка, словно окоченѣла, слова не молвишь? А богатей то, богатей какой, по всему Заволожью знаютъ! всего однимъ одинъ сынъ, валенымъ да щепеннымъ товаромъ торгуютъ, разсыпалась Анфиса Яковлевна. Помолчавъ немного, она прибавила: — Ужь подлинно, коли Богъ захочетъ дать, такъ въ окошко подаетъ! Видно слово–то мое не спроста сказалось, какъ намедни окно у Ивана Васильича треснуло, говорила кума, подталкивая старуху въ бокъ, вѣдь и въ заправду, какъ Аннушка то плясала, то и суженый–ряженый на улицѣ стоялъ, да невѣсту высматривалъ! А суженый–то какой, словно дитя малое, безъ утайки

передъ Богомъ и людьми, препростая душа; а за правду, да за бѣднаго, какъ мѣдвѣдь на рогатину полѣзетъ. Ну старикъ–то съ оглядкой живетъ, себѣ на умѣ; а все же хорошій, не пьющій человѣкъ. Мнѣ, говоритъ онъ, ихъ синя порохъ не надо, самъ все приданое справлю, не хуже гильдейской одѣну! Коли она не набалована, говоритъ, да почтительна, да въ страхѣ Божьемъ вырощена, такъ ты, Анфиса, хоть изъ воды добудь, да подай мнѣ ее!

Кума вдругъ вскочила и прислушалась. — «Никакъ Аннушка ворочается, смотри же сватья, безпремѣнно нынче у поздней, въ приходской будьте!» Анфиса Яковлевна спѣшно поцѣловала со щеки на щеку ошеломленную хозяйку, и вышедъ, притворила за собою дверь. Старушка подошла къ двери, медленно наложила крюкъ, постояла немного, подняла голову и тихонько перекрестилась. — «Батюшки свѣты, вдругъ прошептала она, да что же это я дѣлаю, словно не въ своемъ умѣ, на что дверь–то

запираю!» И она тихонько побрела по стѣнкѣ, опустилась на первый стулъ, хотѣла обдумать, сообразить нежданное, негаданное счастье, но способность связывать мысли на время измѣнила ей. За что въ умѣ не возьмется, все обрывается, каждая мысль сказывается отдѣльнымъ словомъ, да на немъ на одномъ и поканчивается; опустила она, какъ оглушонная, голову и руки, и сидѣла такъ долго, пока не ударили въ колоколъ.

Обѣдня подходитъ къ половинѣ. «Что это, ужь не рехнулась ли у меня старуха,» думаетъ Анфиса Яковлевна, ворочаясь изъ стороны въ сторону. Неподалеку отъ нея стоитъ чинный, плотный мужичекъ, лѣтъ пятидесяти, въ смущатой сибиркѣ, крытой тонкимъ сукномъ; осторожнымъ пытливымъ взглядомъ поглядываетъ онъ, нѣсколько исподлобья, по сторонамъ; изъ–подъ курчавой, сѣдой бороды виднѣется алая лента съ золотой медалью. Нѣсколько впереди, передъ мѣстнымъ образомъ, усердно и размашисто молится сынъ его какъ двѣ капли воды похожій на отца, съ

тѣми же правильными чертами, только взглядъ карихъ глазъ мягче и открытѣе. Отецъ поглядѣлъ на сына, на четвертаковую свѣчку, и подумалъ: — усердствуетъ.

Въ это время вдругъ, между ними и иконой стала дѣвушка, прямая какъ сосенка, въ поношенномъ пальто и въ алой, вязаной шерстяной косыночкѣ съ бѣлыми полосками; стала, и набожно поклонилась въ землю, потомъ затеплила около толстой свѣчи свою тоненькую семишную, опять помолилась, и обратясь лицомъ къ прихожанамъ, скромно и тихо поклонилась на всѣ стороны. Старикъ, молча, съ видимымъ удовольствіемъ, отдалъ обычный поклонъ; его уже давно кума подтолкнула, а сынъ, встрѣтивъ тихій, добрый взглядъ синихъ глазъ, узналъ Аннушку. Желанная! сказалось у него въ душѣ, и тепло отъ сердца хлынуло въ голову. Онъ еще прилежнѣе сталъ слѣдить за службой, которую всю зналъ наизусть; вдругъ замѣтилъ жиденькую свѣчечку около своей: сердце сказало, чья рука ее

поставила. — «Господи, Господи, говорилъ онъ, молясь, — вотъ онѣ двѣ лепты–то Твои! не изъ гордыни и я поставилъ, изъ усердія своего!» Не спускаетъ старикъ долгаго, пытливаго взгляда съ Аннушки, а она стоитъ, не шелохнется, головы въ сторону не поведетъ, рта рукой не прикроетъ, чтобы скрыть грѣшный зѣвокъ, только молитвы про себя шепчетъ, да поклоны творитъ.

— Какъ есть, душа–дѣвушка! закончилъ мысленно Карпъ Тимофѣевичъ, и положилъ три увѣсистыхъ земныхъ поклона. Всталъ, а его такъ и тянетъ опять взглянуть на перекосокъ: тамъ, изъ–за румянаго личика, виднѣется тощая морщинистая старушка; дрожащею рукою заноситъ она крестъ на голову, глаза, подъ слезой, какъ подъ слюдой блестятъ. «Сомлѣвается! пояснилъ себѣ старикъ; — что же конечно прибавилъ онъ думая, углубясь въ себя — однимъ одно дѣтище, тяжело, да вѣдь мы неразлучники какіе, станетъ и про сватбеньку, и свѣтелка особая ей найдется.»

— И что это за диво, словно они уже семьей тутъ передъ Богомъ стоятъ, думаетъ кума, такъ тихо да ладно, безо всякихъ разговоровъ, все у нихъ дѣлается. Видно не нашимъ умомъ дѣло почато и покончено!

Одна Аннушка, ничему не причастная, тихо молится, не зная, что тутъ же, рука объ руку, стоитъ и судьба ея. Что съ сего дня, почти съ сего часу, сольется жизнь ея съ другою, столь же чистою жизнію, что потечетъ она, какъ рѣка широкая, тихая и приметъ во всю ширину и глубину свою и отразитъ въ себѣ всю красоту неба и все разнообразіе и пестроту береговъ.